

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-6-16

УДК 930,1+101.1:316(045)

Историческая память как предмет философского анализа

З.Д. Деникина, А.В. Деникин, Н.А. Ореховская

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В статье сопоставляются сущностная, контекстная и системная концепции исторической памяти. В первой историческая память мыслится в интервале «истина — ценность» и включенности в структуру национальной идентичности. Во второй ценностное содержание исторической памяти зависит от градации условий, что ведет к плюрализму интерпретаций. В этом случае с позиций гносеологического холизма историческая память трактуется как вид коллективного знания, а с точки зрения онтологического холизма выражается в intersubjective реальности, во взаимоотношениях «Я» и «Другого». В статье делается вывод о том, что в настоящее время перспективна системная проекция изучения исторической памяти. Предлагается аутопойетический вариант системного анализа, в котором историческая память выступает одним из способов самонаблюдения государства-системы и рефлексии внешней среды. Историческая память определяется как способность государства-системы поддерживать и воспроизводить холистические смыслы при любых состояниях внешней среды. Различаются абстракции коллективного субъекта и системного субъекта. Коллективный субъект может оставаться таковым, не будучи системным субъектом, например, при потере государством суверенитета. Логика деятельности коллективного субъекта может быть ценностно нейтральной и инструменталистской. В то время как система-субъект выступает носителем исторического общего и поддерживает внутреннюю целостность. Таким образом, сочетание субъектной и системной онтологии в понимании исторической памяти снимает оппозицию гносеологического и онтологического холизма.

Ключевые слова: историческая память; сущностная концепция исторической памяти; контекстная концепция исторической памяти; системная концепция исторической памяти; коллективный субъект; система-субъект

Для цитирования: Деникина З.Д., Деникин А.В., Ореховская Н.А. Историческая память как предмет философского анализа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2026;16(2):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-6-16

ORIGINAL PAPER

Historical Memory as a Subject of Philosophical Analysis

Z.D. Denikina, A.V. Denikin, N.A. Orekhovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The article compares the essential, contextual and systemic concepts of historical memory. In the first, historical memory is thought of in the interval of truth-value and inclusion in the structure of national identity. In the second case, the value content of historical memory depends on the gradation of conditions, which leads to a pluralism of interpretations. In this case, from the standpoint of epistemological holism, historical memory is interpreted as a kind of collective knowledge, and from the point of view of ontological holism it is expressed in intersubjective reality, the relationship of the Self and the Other. The article concludes that a systematic projection of the study of historical memory is currently promising. An autopoietic variant of system analysis is proposed, in which historical memory acts as one of the ways of self-observation of the state-system and reflection of the external environment. Historical memory is defined as the ability of a state system to maintain and reproduce holistic meanings under any environmental conditions. The abstractions of the collective subject and the systemic subject differ. A collective entity may remain such without being a systemic entity, for example, when a State loses sovereignty. The logic of the collective subject's activity can be value-neutral and instrumentalist. While the subject system acts as a carrier of the historical common and maintains internal integrity. Thus, the combination of subjective and systemic ontology in the understanding of historical memory removes the opposition of epistemological and ontological holism.

Keywords: historical memory; essential concept of historical memory; contextual concept of historical memory; systemic concept of historical memory; collective subject; system-subject

For citation: Denikina Z.D., Denikin A.V., Orekhovskaya N.A. Historical memory as a subject of philosophical analysis. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2026;16(2):6-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2026-16-2-6-16

ВВЕДЕНИЕ

Одна из проблемных ситуаций в изучении феномена исторической памяти заключается в недостаточной взаимосвязи дисциплинарно-теоретического и философско-метатеоретического знания. В исторической, политической и социологической науке историческую память можно отнести к разряду социально-психологических понятий, которые пополняют семейство цивилизационных концептов [1–4].

Со своей стороны, философия не может ограничиться подобными содержательными рамками. В последнее время мы наблюдаем всплеск интереса к национальной идентичности и сопутствующим темам¹ [5–7]. Попутно происходит научная проблематизация феномена исторической памяти, но в концептуальном оформлении и методологическом обеспечении мы находимся еще в начале пути.

Можно, конечно, возразить: а что, разве в русской философии XIX в. и в советский период никто не занимался подобной проблематикой? В философии проблема транслируется через столетия, при этом меняются способы ее решения. Последнее обстоятельство связано с логикой развития самих учений, сменой методологий и, самое главное, с изменением представлений о реальности.

Когда в первой четверти XXI в. говорят об исторической памяти, исследователи находятся в другой точке научного поиска, в которой историческое и социальное бытие подлежит осмыслению с позиций различных парадигм.

Методологическая основа исследования строится на сопоставлении трех ключевых концептуальных проекций исторической памяти, соответствующих различным типам научной рациональности по В.С. Степину: сущностной (классической), контекстной (неклассической) и системной (постнеклассической). В работе применяются методы сравнительно-исторического анализа философских концепций, системного и аутопойетического анализа, а также интеграция субъектного и холистического подходов для преодоления эпистемологических противоречий в понимании коллективной памяти.

СУЩНОСТНАЯ И КОНТЕКСТНАЯ КОНЦЕПЦИИ

Согласно различным типам научной рациональности, обозначим следующие концептуальные проек-

ции исторической памяти. Сущностная проекция практиковалась в России до конца 80-х гг. XX в. Для нее важны поиск и экспликация логики исторического процесса и его познания. Историческая память мыслится в интервале «истина — ценность» и включается в структуру национальной идентичности. При проведении историко-философской аналогии историческая память ассоциируется с первичной материей Аристотеля. Она позволяет народу развиваться по заданной программе, поскольку олицетворяет потенциальную способность выполнения сущности.

Контекстная концепция понимания исторической памяти появляется в эпоху перестройки. По своим характеристикам такой тип объяснения коррелирует с методологическими посылами аналитической философии Л. Витгенштейна. Неклассическое мышление отходит от поиска стационарной сущности. Описание исторических событий накладывается на матрицу определенных условий, имеющих и онтологический, и гносеологический характер. Соответственно, ценностное содержание исторической памяти зависит от данной группы условий.

Применение любого термина определяется типом языковой игры. В этом смысле значение исторической памяти многослойно и плюралистично. Теперь историческая память локализуется в понятиях истинности, что неизбежно приводит к историческому релятивизму. Примечательно, что в таком типе исследовательского мышления разброс методологических позиций в конечном счете отождествляется с градацией онтологических условий, формами выражения одного и того же исторического события. Так, например, альтернативные представления об эпохе правления Петра I укладываются в русло соответствующего столетия и не отменяют некую общность онтологических установок. Как показало время, это «смягчающее» обстоятельство в какой-то степени нейтрализовало отрицательный эффект плюрализма интерпретаций [8].

Настоящие онтологические «подвохи» еще были впереди, когда множественность интерпретаций была заменена представлениями о множественной реальности одного и того же исторического бытия.

В начале 2000-х гг. российская философия зафиксировала и концептуально оформила «поворот» гносеологии и методологии в сторону онтологических следствий. Как оказалось, становление предметной области научного анализа во многом зависит от применяемых гносеолого-методологических средств. Методология формирует ракурс исследования, допустимые границы предметного бытия.

¹ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017.

Соответственно, смена подходов влечет за собой изменение аналитического угла зрения и высвечивает новые грани изучаемой реальности.

Неклассический теоретико-познавательный парадокс заключается в решении проблемы истинности высказываний и согласования исследовательских позиций. Ответ был найден за счет постулирования множественности истин. Их эпистемологическая судьба решалась с помощью применения принципа дополнительности в ходе полнотенных дискурсов.

При такой гносеологической диспозиции феномен исторической памяти также локализовался в предметных сферах гносеологии, а в частнодисциплинарном знании — в рамках истории, культурологии, социологии. Историческая память выглядела как знание о прошлом, чьи вариации в значительной степени отражали одни и те же исторические события и факты.

СИСТЕМНАЯ ПРОЕКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: АУТОПОЙЕЗИС И ХОЛИЗМ

В настоящее время для определения философской специфики исторической памяти перспективной представляется системная проекция. Системная методология используется в любых типах научной рациональности, но не всегда играет роль онтологической схемы. В последние годы наблюдается эволюция системного исторического мышления.

В эпоху глобализации историческая память имела культурно-цивилизационное содержание и отражала специфику отдельного государства, включавшегося в универсальные экономико-политические связи. На предыдущем этапе глобализации для стабильной системы-государства международная среда не воспринималась как разрушающая его специфику реальность.

Если государство входило в ситуацию бифуркации и сильной неравновесности (например, во время цветных революций), историческая память могла быть утрачена вместе с организующей структурой. Дальнейший поиск аттрактора приводил либо к воспроизводству исторической памяти, либо к ее деформации — к тому, что Гегель называл видимостью.

Аутопойетический вариант системного анализа исторической памяти наиболее интересен для исследовательского внимания, особенно если он опирается на онтологию холизма. Для концептуализации исторической памяти нужно: а) определить специфику общего и целого; б) обозначить тенденции развития национального государства как системы-субъекта с исторической памятью.

В такой системе отсчета государство-система и окружающая геополитическая и геоэкономическая среда становятся равнозначными конкурентными реальностями. Задача государства-системы — не отмежеваться от среды, а сделать ее онтологически однородной для себя. Это важный момент сочетания единичного и общего в историческом процессе.

Страны БРИКС, обладающие собственной исторической памятью, выстраивают общее средовое пространство — возникает региональная глобализация. Историческая память — один из способов самонаблюдения государства-системы и рефлексии внешней среды. Она призвана устранить следствия неравновесного государственного развития и локализуется в понятиях смысла и значимости системного бытия.

Формирование однородных межсредовых смыслов — результат осознанной деятельности государства, продолжение внешней политики. Неискаженная историческая память играет системообразующую роль, формируя субъектность государств (тождественную суверенности) и позволяя системам-государствам находиться в едином онтологическом поле. Пример — внутриполитические задачи Венгрии в рамках европейского пространства.

Современная историческая наука и социология функционируют в условиях полураспада онтологии холизма. Заслуга российской философии — в попытках противостоять гегемонии номинализма. Возникает вопрос: допустим ли плюрализм онтологий, исключающих холизм? Как трактовать историческую память и национальную идентичность, если научные сообщества не признают общей предметной реальности? Дискуссии о победителях во Второй мировой войне — показательный пример.

Борьба онтологических взглядов нивелирует представления об истине. В перспективе затрудняется теоретико-методологическое моделирование исторической памяти: некоторые события Великой Отечественной войны могут отсутствовать в предметном поле научного дискурса.

Почему важно привнести холистскую установку в изучение исторической памяти? Понимание общего и единичного в истории как ипостасных форм недостаточно: общее может выступать единичным при соответствующих условиях, и наоборот. Закономерности исторического периода имеют ту же онтологическую силу, что и уникальные события. Уход от этих параметров означает забвение клас-

сической научной рациональности в определении феномена исторической памяти.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ: ОТ АРИСТОТЕЛЯ К ЦИФРОВОЙ ЭПОХЕ

Согласно неклассическому мышлению, историческая память представляет собой реинтерпретацию единичных, неповторяющихся событий. Сохранение преемственности исторического знания должно вновь стать насущной теоретической и прикладной задачей.

Допущение многосущности исторического поля в неклассических схемах исследования еще не подорывает позицию онтологического инварианта. Исследователи с различными гносеологическими установками не исключают наличия постоянных признаков изучаемого бытия. Отсылка к условиям и потенциальным свойствам исторического объекта влияет лишь на специфику описания. Пример тому — эпистемологические достижения аналитической философии. В выявляемых контекстах обобщаются контуры правил предстоящего анализа.

Изучение исторической памяти как явления культуры или состояния коллективного сознания дает различные, но сопоставимые гносеологические результаты. В многомерном типе онтологии, описываемом неклассической рациональностью, еще нет бытийного антагонизма общего и единичного. Реальность общего не исключает реальности единичного, хотя они наделяются различными смыслами. Например, описание Сталинградской битвы советскими и немецкими историками XX в. опиралось на онтологическую установку: Сталинградская битва была на самом деле — это непреложный исторический факт.

С переходом к постнеклассической методологии внимание обращается на понятие исторического опыта. Наряду с концептом «историческая память» оно принадлежит к разряду холистичных понятий. В последние годы отечественные исследователи акцентируют проблему гибридного бытия [9] — симбиоза искусственного и естественного, актуального и виртуального. Развитие цифрового мира сместило акценты в сторону изучения цифровой реальности, оставив в «тени» проблему существования общего и целого.

Сопоставление цифровой реальности и реальности общего показывает эпистемологическую вторичность цифрового бытия. Признание цифрового бытия предполагает наличие общего цифрового бытия как такового, что отсылает нас

к гносеологической ситуации неклассической рациональности — множественности концептуального описания одной реальности.

Исторический опыт относится к понятиям, выражающим онтологию общего. Историческая память — способность государственной системы поддерживать и воспроизводить холистичные смыслы при любых состояниях внешней среды (в терминологии Аристотеля — первичная материя). Исторический опыт — содержательное накопление и обновление холистичных смыслов (в терминах Аристотеля — целевая причина). Он задает алгоритм системных операций и реакций на внешнюю среду, коррелирует дальнейшее целеполагание.

Вопросы о роли личности Сталина, например, укладываются в русло исторической памяти, а при накоплении исторического опыта ответы на них должны иметь системосберегающий характер.

Историческая память и исторический опыт актуализируются благодаря формальной причине (в терминологии Аристотеля) — национальной идентичности. Она служит точкой притяжения усилий на основе памяти и опыта, обеспечивает устойчивые онтологические рамки исторических событий. В феномене национальной идентичности представлены максимальные холистичные параметры, которые могут снизиться при искаженном целеполагании («напрасные причины» у Аристотеля).

Данное историко-философское описание исторического опыта, безусловно, сближается с рамками классического понимания устойчивой сущности. Трансформируется ли оно в рамках системного бытия и сильно неравновесных состояний? И да, и нет.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОВЕСНЫХ СИСТЕМ — МЕЖДУ СУЩНОСТЬЮ И СОДЕРЖАНИЕМ

Ответы на данные вопросы разновекторны и относятся на стадиях различной степени обсуждения. Один из ответов, на наш взгляд, заключается в расширенной трактовке системного анализа в отношении исторического бытия. Точнее говоря, на этапе постнеклассического знания в нем обнаруживается новый методологический потенциал.

На протяжении 2000-х гг. в российском общественном сознании активно обсуждается проблема специфики социально-гуманитарных наук. Сторонники различия естествознания и гуманитарных наук, равно как и адепты их сближения, выдвигают многочисленные аргументы в пользу субъектности, ре-

лятивности гносеологических позиций в истории, политологии и т.д.

В настоящее время в социогуманитарном знании все более усугубляются вопросы онтологии и аксиологии коллективных субъектов (народ, государство, цивилизация). В преломлении к исторической науке белых эпистемологических «пятен» становится все больше. Этим объясняются дискуссии по поводу памяти и войны памяти [10, 11]. Остановимся на некоторых концептуальных затруднениях.

Если современная общественная жизнь представляет собой «текущую реальность» с нелинейным развитием и «клиповой» онтологией, можно ли для ее описания применять эссенциалистские классические понятия, такие как «память» и «идентичность»? Существует ли такая линия детерминации, как формальная, материальная, целевая причины, в условиях разрыва устойчивых онтологических связей, в череде геополитических кризисов?

Другой эпистемологический парадокс заключается в том, что при синергетическом описании сильно неравновесных систем внимание обращается на невозможность возврата к прошлым состояниям. Да и, в конечном счете, в диссипативных структурах прошлое не влияет на будущее. Как в таких случаях характеризовать историческую память и исторический опыт?

Попробуем дать промежуточный ответ, используя гегелевский понятийный ряд. Скорее всего, мы имеем дело не с «текущей» сущностью, а с «текущим» содержанием, которое интенсивно расширяется в сжатое историческое время. Рефлексия такого «разбухшего» содержания выступает одним из видов формы, структурности содержания. В современном мире она может не поспевать осмысливать огромный объем информации. Создается иллюзия неконтролируемого исторического и социального бытия. Выход заключается в поиске адекватной формы рефлексии. Она должна опираться на сущность, а не на содержание, и при такой системе эпистемологического отсчета можно вычленять для анализа любые содержательные явления.

Представляется, что историческая память относится к разряду рефлексии сущности. Она задает стационарное онтологическое поле при любом содержательном развитии событий. В свою очередь, исторический опыт выражает наличие этой стабильной линии в меняющемся содержании. Как видим, эти классические понятия вполне применимы для экспликации современного процессуального бытия.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО ХОЛИЗМА: ИДЕИ РИКЕРА И ХАЛЬБВАКСА

Для экспликации исторической памяти следует приветствовать исследовательские усилия в области анализа онтологии коллективных субъектов [12–14].

В труде «Память. История. Забвение» [15] П. Рикер объясняет феномены личной и коллективной памяти, применяя историко-философский экскурс и методологические ресурсы феноменологии и герменевтики. Он останавливается на «тотальной объективации человеческой реальности» при «рождении наук о человеке» и сопоставляет эпистемологические модели «методологического индивидуализма» и «методологического холизма». «Для социологии начала XX века коллективное сознание было одной из реальностей, онтологический статус которых не вызывал сомнения». В результате «индивидуальная и коллективная память стали соперницами».

Рикер предлагает философский способ их сопряжения через понимание того, «каким образом историография сочленяет свой дискурс с дискурсом феноменологии памяти». Новый уровень отношений возникнет, когда история возведет себя «в ранг субъекта самой себя» и станет трактовать память «в качестве одного из объектов исторического познания». Используя феноменологическую методологию, Рикер делает «аналогический перекосяк» от индивидуальной к коллективной памяти: на интерессубъективность падает «тяжесть конституирования коллективных сущностей». Для подтверждения этой позиции он ссылается на труд М. Хальбвакса «Коллективная и историческая память»².

Подведем итоги. Во-первых, в рамках неклассической рациональности философии нужно было пройти путь феноменологического прочтения исторической памяти — это осуществил П. Рикер. Оправдано понимание исторической памяти через интерессубъективное бытие. Предел феноменологической интерпретации не исчерпан. Во-вторых, идеи раннего М. Хальбвакса послужили предпосылкой становления онтологического холизма (термин «социальные рамки памяти»). В-третьих, в границах системного анализа многие феноменологические подходы «приглушены», что позволяет по-новому взглянуть на историческую память через призму онтологического холизма.

² Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/a2.html>

Любое приращение семейства холистичных понятий способствует углублению философского анализа феномена исторической памяти.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В 2020 г. состоялся круглый стол по теме «Индивидуальная и коллективная память в контексте современных социальных трансформаций», где поднимались вопросы о соотношении индивидуальной и коллективной памяти с привлечением ресурсов социальной психологии. Отдельные выступления участников были опубликованы.

Так, например, по мнению О.Е. Труфановой, «индивидуальная память часто выступает объектом естественно-научных дисциплин и эпистемологии, а коллективная память используется политологией, социологией, историей и другими социогуманитарными науками» [16]. Трудно не согласиться с ее утверждением о «продуктивности совместных исследований индивидуальной и коллективной памяти на общих методологических основаниях».

На наш взгляд, возможен следующий шаг прояснения этих методологических оснований. Несмотря на социогуманитарный «ореол» вокруг понятия исторической памяти, он не исключает ее предметного изучения в границах эпистемологии. Тогда функция памяти определяется не только естественно-научным образом — «как специфическая когнитивная функция организма» [16], — и мы выходим на способы бытия исторического общего и целого.

При системном, аутопойетическом понимании исторической памяти некоторые исследовательские проблемы могут быть переформулированы. Иначе воспринимается тезис о том, что «из исторического сознания исчезает идея будущего, которое казалось совершенно пластичным для человека эпохи модерна, что его можно было предвидеть на основе научных разработок, смоделировать и активно трудиться над его реальным воплощением» [17].

В современной исследовательской литературе (не только в русскоязычном сегменте интернета) популярно сопоставление стилей мышления эпохи модерна и постмодерна [18]. Такое деление пересекается с предложенным В. Степиным различием типов научной рациональности [19]. Оппозиция модерн-постмодерн более однолинейна и узка, а сопоставление классического, неклассического и постнеклассического мышления позволяет выявить существенные нюансы. С позиций постне-

классического исторического анализа идея будущего не исчезает, исторический опыт наращивается. Более того, историческая память способствует пролонгации системных целей, их коррекции из будущего и устойчивому состоянию системы.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ: ПРОБЛЕМА СТАТУСА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Еще одна переформулированная проблема касается статуса так называемого гносеологического и онтологического холизма. Под гносеологическим холизмом мы понимаем определение статуса целого и общего через механизмы познания. Статус онтологического холизма предполагает, что целое и общее существуют объективно — как в человеческой деятельности, так и за ее пределами.

Если функция исторической памяти закрепляется за профессиональной деятельностью историков, то ее бытие локализуется в наличном историческом знании. По замечанию М.М. Федоровой, остается неясным решение проблемы взаимосвязи инстанций нашего отношения к прошлому — историей и памятью. Различие между ними обостряется до предела: «объективное познание прошлого отвечает лишь за историческое знание» [17].

Зададимся вопросом: существует ли объективное знание в той части исторического знания, которая не является профессиональной? Как быть с историческим опытом, которому дважды отказано в значимой социальной роли? Первый раз — из-за отношения к прошлому в эпоху постмодерна, а во второй — из-за недооценки якобы нерациональной стороны исторического мышления.

О.Е. Труфанова предлагает гносеологический вариант холизма, трактуя «коллективную память как способ организации коллективного знания» и ссылаясь на идеи социальной памяти в работах И.Т. Касавина³, концепцию идеального у Э.В. Ильенкова⁴, «пространства смысла» У. Селларса⁵, «третий мир» К. Поппера⁶ [16]. Продуктивность такой позиции — в рассмотрении механизма бытия коллективной памяти через процессы эмпатии и диалоговой формы существования Я и Другого. Идея диалогового

³ Касавин И.Т. Социальная эпистемология: Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М; 2013. 560 с.

⁴ Ильенков Э.В. Идеальное. Философская энциклопедия. В 5 т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия; 1962.

⁵ Sellars W., Philosophical Perspectives. William L. Harper; 1969.

⁶ Поппер К. Знание и психофизическая проблема: в защиту взаимодействия. М.: Изд-во ЛКИ; 2008.

бытия привлекательна для описания межнациональных и внутригосударственных отношений.

При изучении онтологии исторической памяти желательно обратиться к другим линиям анализа после извлечения эпистемологической выгоды от изучения индивидуальной памяти в лоне номинализма и коллективной памяти как формы диалогового бытия.

СИСТЕМНАЯ РЕФЛЕКСИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: МЕЖДУ РЕАЛИЗМОМ И КОНСТРУКТИВИЗМОМ

Еще один принципиальный вопрос остается не проясненным: если историческая память представляет собой системную реальность, зависит ли она от нашего познания? Насколько субъект может вмешаться в ход объективных процессов?

Интересно мнение В. Лекторского о том, что «реализм и конструктивизм в эпистемологии несовместимы». Автор предлагает позицию «конструктивного (деятельностного) реализма», согласно которой информация уже существует в окружающем мире, а познающий субъект берет «эту информацию при помощи своих активных действий в самом мире, таких действий, которые включают трансформацию окружения» [20].

В. Лекторский указывает на совпадение онтологии и гносеологии в рамках новой эпистемологии — так называемый «реалистический поворот», предполагающий отход от многовекового субъективизма. Он предлагает встроить субъект в бытие общего за счет его активной деятельности, совместимой с объективной реальностью. В контексте нашего исследования такой деятельностный реализм — часть механизма системной рефлексии.

В трактовке исторической памяти как системной рефлексии стираются границы между научным и ненаучным историческим знанием. Рефлексия включает рациональные и нерациональные способы понимания прошлого. Профессиональные историки и носители обыденного знания — носители исторической памяти. Знание, выработанное историками, остается в коллективной памяти, но может противоречить системной рефлексии: некоторые историки из-за идеологических разногласий снижают рациональный уровень объяснения или искажают описание. Тем не менее при сохранении государства как носителя исторической памяти сохраняется необходимый минимум рационального и нерационального выражения памяти.

Понимание российской цивилизации как коллективного субъекта определяет траекторию поиска

в вопросах национальной идентичности. В этой эпистемологической схеме задействована оппозиция единичного и множественного (например, взаимоотношения наций внутри государства) и анализ культурной специфики российской ментальности.

Онтология субъектности предполагает набор методологических средств: параметры конструктивной деятельности, влияющие на целеполагание, и картину индивидуального и коллективного сознания. Деятельность становится центрообразующей категорией субъектного подхода. Поиск детерминационных линий коллективного субъекта выявляет ее логику.

Сочетание субъектной и системной онтологии — перспективный вектор анализа исторической памяти. Одна из черт субъектного подхода — компонентное наполнение: коллективный субъект объясняется через взаимосвязи между «Я» и «Другим», с акцентом на многообразии позиций и обретении единства. Историческая память входит в массив смысловой логики коллективной деятельности по формуле «цель и результат».

Каковы же конструктивные стороны системного анализа исторической памяти? С одной стороны, укрупняется онтологический ракурс исследования. Система (нация, народ, государство, цивилизация) сама по себе является субъектом, чьи функции связаны прежде всего со способами саморефлексии, самонаблюдения и самовоспроизводства. В деятельностном подходе коллективный субъект имеет «вещную» природу: цивилизация как «большая вещь» отграничена от других исторических и социальных вещей [21].

С другой стороны, в абстракции системы-субъекта выражена структурная и процессуальная реальность, важная для понимания истории. Задача системного субъекта — поддержание внутренней целостности в противостоянии с внешней средой. При системном подходе актуализируются дополнительные аспекты исторического и социального холизма.

Коллективный субъект может оставаться таковым, не будучи системным субъектом. Потеря государством ценностного, военного, управленческого суверенитета сигнализирует об утрате системности. Думается, что коллективный субъект лишь в оптимуме обладает своей исторической памятью — она может быть замещена чужим «кодом» памяти.

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ

В системной онтологии неравновесных структур при переходе от хаоса к порядку историческая память начинает стабилизировать бассейн аттракторов. В момент бифуркации она может послужить становлению решающего аттрактора и «временится» из будущего,

определяя системное целеполагание. Утрата структуры в таких системах объясняется в том числе постепенным исчезновением исторической памяти.

В аутопойезисе историческая память также не чуждый концепт:

- она образует социальную и историческую рефлексию, нейтрализуя единичные смыслы, разрушающие ее воспроизводство;
- трансформирует любые связи в системные коммуникации, возвращая им достоверность и эффективность;
- при ценностно-нейтральной логике деятельности коллективного субъекта заменяет эссенциалистский индикатор существования наций и государства, предотвращая замену органической целостности инструменталистскими идеями.

В эссенциалистском идеале коллективный и системный субъекты выступают ипостасями социального и исторического общего. Это важно для прогнозирования внутренней жизни государства и его бытия на внешней арене. Государство, нация, цивилизация как коллективные субъекты функционируют в рамках системного устойчивого бытия, сохраняя сущность, несмотря на флуктуации внешней среды. При такой диспозиции выражается холистическая роль памяти — в логике целеполагания, системных коммуникациях и содержании национальной ментальности [22].

ВЫВОДЫ

В статье проведен философский анализ исторической памяти через сопоставление трех концепций: *сущностной* (до 1980-х гг.): память трактуется как устойчивое явление, связанное с поиском исторической истины и формированием национальной идентичности (в духе эссенциализма, с отсылками к Аристотелю); *контекстной* (эпоха перестройки): акцент на плюрализме интерпретаций, зависимости смыслов от условий и контекста, влиянии языковой игры; *системной* (с 2000-х гг.): историческая память — механизм саморефлексии и самовоспро-

изводства государства, поддерживающий холистические смыслы в любой внешней среде.

Показана эволюция методологических установок — от классической рациональности к постнеклассической. Предложен аутопойетический вариант системного анализа: историческая память выступает способом самонаблюдения государства и рефлексии внешней среды. Разграничены понятия коллективного субъекта (может утратить системность, например, при потере суверенитета) и системного субъекта (носитель исторического общего, обеспечивающий целостность).

Системно-аутопойетический подход предлагает адекватный инструментарий для современных геополитических и социокультурных вызовов, трактуя историческую память как фактор устойчивости и суверенитета государства-цивилизации, что позволяет преодолеть оппозицию гносеологического и онтологического холизма через синтез субъектной и системной онтологии.

Ключевой результат — разработка интегративной модели с различием между коллективным субъектом и системой-субъектом, что проясняет механизмы, благодаря которым историческая память обеспечивает целостность и идентичность социокультурного образования, выступая механизмом его смысловой репродукции и коммуникации. Модель имеет практическое значение: она закладывает основы для стратегий в области образовательной, информационной и культурной политики, направленных на сохранение цивилизационной идентичности.

Предложенный подход открывает возможности для междисциплинарных исследований, создавая мост между философской рефлексией, исторической наукой и политическими исследованиями. Он позволяет анализировать механизмы функционирования исторической памяти в публичном пространстве, ее роль в условиях социальных трансформаций и значение для проектирования устойчивого будущего в эпоху глобальной нестабильности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ореховская Н.А. Формирование массового сознания советского народа в годы Великой Отечественной войны. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:111-129.
2. Шевченко О.В. Образ героя как социокультурный феномен. В сб.: Историко-философский взгляд на облик героя-воина. М.: Русайнс; 2024:56-65.
3. Волобуев А.В. Историческая память как конструкт. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:769-782.
4. Бондарева Я.В., Ильинская С.Г. Логика смысла российской цивилизации через призму русской философии. *Современные философские исследования*. 2024;2:64–75. URL: <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2024-2-64-75>

5. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография]. Симферополь; 2022. 320 с. URL: <https://www.elibrary.ru/dnxgco>
6. Крючкова С.Е. Советская идентичность как фактор победы в Великой Отечественной войне. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025. С. 753-768.
7. Полежаев Д.В. Сохранение исторической памяти как механизм становления общероссийской гражданской идентичности: «сталинградский опыт» В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025. С. 733-752.
8. Петраш Е.В. Социокультурные аспекты интерпретации исторических событий в преподавании истории Великой Отечественной войны. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:899-911.
9. Бочкарев А.И., Канабеева Р.А. Генезис гибридного бытия современной экономики образования. Москва: КноРус; 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/ugczae>
10. Деникин А.В., Деникина З.Д. Философско-методологический анализ фальсификации истории Великой Отечественной войны. В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:783-793.
11. Замараева Е.И. Фальсификация истории Великой Отечественной войны как оружие в когнитивных войнах В сб.: Победа одна на всех. Духовные, социально-экономические и военно-политические аспекты Великой Отечественной войны. Москва: Прометей; 2025:837-849.
12. Доронина С.Г. Социальная структура прошлого: индивидуальная и коллективная память. *Tempus et Memoria*. 2020;1(1-2):36-43. URL: <https://doi.org/10.15826/tetm.2020.1-2.004>
13. Макарова Н.П., Глебова С.В. Культура памяти в цифровую эпоху: «герой эпохи», архив и канон. *Дискурсы этики*. 2024;2(22):35-54. URL: <https://www.elibrary.ru/dmkchx>
14. Горелов А.А. Некоторые фундаментальные направления Российского проекта цивилизационного развития и цивилизационные основы России. *Знание. Понимание. Умение*. 2024;3:82-92. URL: <https://doi.org/10.17805/zpu.2024.3.6>
15. Рикер П. Память, история, забвение. Пер. с фр. М.: Изд-во гуманитарной литературы; 2004.
16. Труфанова Е.О. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения. *Вопросы философии*. 2020;6:18-22. URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
17. Федорова М.М. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна. *Вопросы философии*. 2020;6:38-42. URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-38-42>
18. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс»; 2012. URL: <https://www.elibrary.ru/qssdiv>
19. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности. *Философия, методология и история науки*. 2015;1:6-27. URL: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.s01>
20. Лекторский В.А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма. *Философия науки и техники*. 2018;23(2):18-22. URL: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22>
21. Спиридонова В.И. «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке. *Общественные науки и современность*. 2022;3:116-127. URL: <https://doi.org/10.31857/S086904992203008X>
22. Кафтан В.В. Диалектика социального хаоса и порядка. В сб.: Историко-философский взгляд на облик героя-воина. Москва: Русайнс; 2024:326-342. URL: <https://www.elibrary.ru/qjvkrq>

REFERENCES

1. Orekhovskaya N.A. Formation of mass consciousness of the Soviet people during the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:111-129. (In Russ.).
2. Shevchenko O.V. The image of the hero as a socio-cultural phenomenon. In: A Historical and Philosophical View on the Appearance of the Hero-warrior. Moscow: Rusains; 2024:56-65. (In Russ.).
3. Volobuev A.V. Historical memory as a construct. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:769-782. (In Russ.).
4. Bondareva Ya.V., Ilyinskaya S.G. Logic of the meaning of Russian civilization through the prism of Russian philosophy. *Modern philosophical research*. 2024;2:64-75. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2024-2-64-75>

5. National identity and collective memory: between the past and the future [collective monograph]. Simferopol; 2022. 320 p. URL: <https://www.elibrary.ru/dnxgco> (In Russ.).
6. Kryuchkova S.E. Soviet identity as a factor of victory in the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:753-768. (In Russ.).
7. Polezhaev D.V. Preservation of historical memory as a mechanism for the formation of all-Russian civic identity: "The Stalingrad experience". In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:733-752. (In Russ.).
8. Petrash E.V. Sociocultural aspects of interpretation of historical events in teaching the history of the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:899-911. (In Russ.).
9. Bochkarev A.I., Kanabeeva R.A. Genesis of hybrid existence of modern economics of education. Moscow: KnoRus; 2020. URL: <https://www.elibrary.ru/ugczae> (In Russ.).
10. Denikin A.V. Denikina Z.D. Philosophical and methodological analysis of the falsification of the history of the Great Patriotic War. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:83-793. (In Russ.).
11. Zamaraeva E.I. Falsification of the history of the Great Patriotic War as a weapon in cognitive wars. In: One victory for all. Spiritual, Socio-economic, and Military-political Aspects of the Great Patriotic War. Moscow: Prometheus; 2025:837-849. (In Russ.).
12. Doronina S.G. The social structure of the past: individual and collective memory. *Tempus et Memoria*. 2020;1(1-2):36-43. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.15826/tetm.2020.1-2.004>
13. Makarova N.P., Glebova S.V. Culture of memory in the digital age: "hero of the epoch", archive and canon. *Discourses of Ethics*. 2024;2(22):35-54. URL: <https://www.elibrary.ru/dmkchx> (In Russ.).
14. Gorelov A.A. Some fundamental directions of the Russian project of civilizational development and the civilizational foundations of Russia. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2024;3:82-92. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17805/zpu.2024.3.6>
15. Riker P. Memory, history, oblivion. Translated from French. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature; 2004. (In Russ.).
16. Trufanova E.O. Individual and collective memory: Points of intersection. *Questions of philosophy*. 2020;6:18-22. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
17. Fedorova M.M. Memorial phenomenon and the crisis of historical consciousness of modernity. *Questions of philosophy*. 2020;6:38-42. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-38-42>
18. Chestnov I.L. Postclassical theory of law. The monograph. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House; 2012. URL: <https://www.elibrary.ru/qssdiv> (In Russ.).
19. Stepin V.S. Historical types of scientific rationality: Problems of demarcation and continuity. *Philosophy, methodology and history of science*. 2015;1:6-27. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.s01>
20. Lektorskiy V.A. Constructive realism as a modern form of epistemological realism. *Philosophy of science and technology*. 2018;23(2):18-22. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22>
21. Spiridonova V.I. "State-civilization" as a new formula of existence in the 21st century. *Social sciences and modernity*. 2022;3:116-127. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.31857/S086904992203008X>
22. Kaftan V.V. Dialectics of social chaos and order. In: A historical and Philosophical View on the Appearance of the Hero-warrior. Moscow: Rusains; 2024:326-342. URL: <https://www.elibrary.ru/qjvkrg> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Зоя Дмитриевна Деникина — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Zoya D. Denikina — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof. of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-3119-1546>

zddenikina@fa.ru

Анатолий Васильевич Деникин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Anatoly V. Denikin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof. of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0002-2466-0703>

avdenikin@fa.ru

Наталья Анатольевна Ореховская — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Natalia A. Orekhovskaya — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof. of the Department of Humanities, Head of the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8390-5275>

NAOrekhovskaya@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

З.Д. Деникина — концептуализация исследования, анализ сущностной и контекстной концепций исторической памяти в рамках классической и неклассической рациональности, философская интерпретация исторической памяти как рефлексии сущности.

А.В. Деникин — разработка системного и аутопойетического подходов к анализу исторической памяти, исследование исторической памяти как способа саморефлексии государства-системы, анализ оппозиции гносеологического и онтологического холизма.

Н.А. Ореховская — анализ исторической памяти в контексте национальной идентичности и коллективного субъекта, обзор и синтез современных дискуссий и источников, формулирование основных выводов и интеграция субъектной и системной онтологии в исследовании.

Authors' contributions:

Z.D. Denikina — conceptualization of the research, analysis of the essential and contextual concepts of historical memory within the framework of classical and non-classical rationality, philosophical interpretation of historical memory as a reflection of essence.

A.V. Denikin — development of systemic and autopoietic approaches to the analysis of historical memory, investigation of historical memory as a means of self-reflection of the state-system, analysis of the opposition between epistemological and ontological holism.

N.A. Orekhovskaya — analysis of historical memory in the context of national identity and collective subject, review and synthesis of contemporary debates and sources, formulation of the main conclusions and integration of subjective and systemic ontology in the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.02.2026; после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 16.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was submitted on 05.02.2026; revised on 20.02.2026; accepted for publication on 16.03.2026.

The authors read and approved the final version of the manuscript.